

A young man with vibrant red hair and blue eyes is shown in profile, looking towards the left. He is wearing a dark, textured jacket with a high collar and a patch on the shoulder. He holds a glowing, translucent rectangular object in his right hand. The background is a complex, futuristic industrial structure with blue and grey tones, featuring scaffolding, pipes, and a large spherical structure at the top. The lighting is dramatic, with highlights on the man's face and the glowing object.

Татьяна
Осипова

Нулевая отметка

TATIANA Osipova

Нулевая отметка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73537103

SelfPub; 2026

Аннотация

Бывший боец киберполиции по прозвищу Шмель давно похоронил надежду на справедливость. После гибели жены он растит двоих детей на дне общества – в «Низинах», где каждый шаг отслеживает «Вердикт-Алгоритм», а любое несогласие карается «коррекцией».

Однажды на Украине он встречает девушку из «Купола». Она передаёт ему флешку с данными, способными разрушить систему. Наутро её находят мёртвой, а Шмеля обвиняют в убийстве.

Цена правды в мире тотальной лжи

- Искупление старых грехов
- Семья как последний оплот человечности
- Система, которая пожирает своих создателей
- Надежда, которая выживает даже в «нулевой отметке».

Нулевая отметка – это не просто точка отсчёта. Это место, где кончается страх и начинается борьба.

TATIANA Osipova

Нулевая отметка

1 глава

В сердце каждого есть свой темный подвал.

*Если ничего не делать, а только смотреть,
то темнота в нем будет лишь сгущаться.*

*Нужно набраться смелости, спуститься по лестнице и
включить свет*

*. Если страшно делать это в одиночку, нужно найти ко-
го-то,*

кто будет крепко держать тебя за руку...

– Куда ж тебя несёт? – кричу я Даньке, хватая его за капюшон. – Я ж говорил, смотри, где «мёртвые зоны»!

– Да смотрю! – огрызается он, вырываясь. – Чего толкаешься?

– А ты не спорь. «Санитары» сцапают – и крышка.

Сыну десять, а он всё никак не вырастет. В «Низинах» скверная атмосфера – не воздух, а серая взвесь, солнца не видно за куполом-близнецом верхнего сектора. Да и жратва не та, что у тех, кто завтракает трюфелями. Даня тощий, как щепка, юркий и дерзкий. Сестра его, Маша, не лучше. Ей четырнадцать – в ином мире девушка на выданье. Да какое выданье... Красавица, вся в мать. Недавно школьный терминал

взломала, чтобы снизить брату «индекс внимания». Меньше интереса, меньше вопросов. Больше шансов.

Система «Куполов» управляется «Советом Архитекторов». А наши «Низины», особенно четвёртый и шестой сектора, под пристальным оком «Вердикт-Алгоритма». После того бунта – будь он неладен – эти районы взяли в тиски.

Я смахнул пот со лба. Под трубами теплотрассы невыносимо жарко, пар шипит в свищах ржавчины. Зато здесь нет камер. Можно дышать. Можно говорить.

Даня присел на корточки, хлебнул из термоса теплой водички. Я смотрел на него и видел себя мальчишкой. Было время, всё было иначе. Была вера.

Служил в «Санитарах», было дело. Кричал, как все: «Слава Единству!» Шёл вперёд, спасал, как думал, мир от грязи и предателей. Дурак. Молодой, наивный и гордый. Вот эта гордость, наверное, всё и решила. Думать, пока служил в киберполиции, было некогда. Приказы. Муштра. Армейская информация – ноль. Да и зачем? Есть враг – ликвидировать. Кому-то мозги вправляли. Особо резвых, политических, отлавливали, вели в участок, а там – уже не наше дело.

Нейро-чип каждого отслеживался системой. Индекс лояльности вычислялся не по заслугам, а по происхождению. Так было не прописано, но так решалось. Кто устанавливал законы, тот и решал, кому кнут, а кому пряник.

«Низы» всегда жили по своей иерархии, где ценились не знания, а умение выживать и обходить систему. Я понял это,

когда сам оказался на обочине, выброшенный той же системой. Прозрел не сразу. Больно, когда открываешь глаза не на правду, а на реальность. Краски тускнеют. Запахи... Вы не знаете, как пахнет боль? Она воняет потом, кровью, сыростью и горелой пластмассой. Именно этим и пропитаны «Низины».

Перед глазами вспыхнуло.

Мне было двадцать два. С отличием закончил колледж в секторе три, где жили инженеры и механики. Подавал надежды. Пошёл в киберполицию – не сразу в «санитары», сначала мальчишкой на побегушках. Вливался. Вопросы появились позже. Мне, выросшему под искусственным солнцем «Купола», было незнакомо чувство безысходности. Или сострадание к «крысам» – так мы называли обитателей нижних секторов. Не думал, что настанет день, и я не только стану им сочувствовать, но и буду одним из них.

Меня звали Шмель. Это не просто позывной от фамилии. Это был стиль. Я умел бить не просто сильно, а жадно и точно, как жалят. Лучшая боевая школа, спортивная подготовка – из меня лепили образцового киберполицейского. После «санитарного» подразделения мне прочили карьеру в главном управлении.

А потом я встретил Кристину. «Она из мятежников», – кричало сознание. «Ты себя подведёшь под монастырь». Но сердце – глухая тварь. Оно не слушалось. Мы встретились

тайком. Она многое рассказала. Я не мог, влюблённый дурак, верить ей на слово. Стал проверять. Копал.

История моего прозрения – болезненная и жестокая. Я обещал спасти её, помочь выбраться из «Единства». Остался последний шанс – побег в Западные земли. Но покидать родные пенаты... Вспомнился старый анекдот про двух паразитов. Тот, что младший, восхищается: «Папа, какое небо голубое! Какая травка зелёная!» А отец мрачно отвечает: «Да, сынок, и пахнет не тем дерьмом. Но там, в темноте и вони, – Родина».

Вот и я боялся: а что если та земля Родиной не станет? А эту предам? Струсил. Так и вышло.

Кристина любила меня и не злилась. А потом случился тот бунт. Наше подразделение направили в четвёртый сектор.

Узкие проходы, сырость, вечный гул машинной вентиляции. Под насосной станцией собралась вооружённая толпа. Не пистолеты, нет – палки, биты, арматура, у некоторых ножи.

Говорить с ними было не наше дело. И тогда в толпе я увидел её. Моё лицо скрывало забрало. Мы все были одинаковыми, безликими «санитарами».

Мы выполняли приказ. Задержать. Ликвидировать особо буйных. Но это быстро превратилось в кровавую баню. Можно было применить пси-оружие, просто нейтрализовать. Но шеф орал, срывая голос: «Ломать ноги! Особо рьяным – головы!»

Они действовали не жёстко. Они были жестоки. Не разбирая.

Я застыл. Шеф толкнул меня в спину так, что я чуть не упал.

– Что встал, тварь?! Вперёд! Не отступать!

И я заору. Заору, как больной, как безумец, чтобы заглушить тишину внутри. Кристина не видела меня. Не узнала бы. Но я-то знал. Я был там. Стыд жёг лицо жарче плазмы.

Мы встретились позже, под ржавым мостом на окраине. Она пришла через коллектор. Я – рискуя, обходя посты. Плевать было на чип, на камеры.

– Я жду ребёнка, – сказала она. Просто. В её глазах не было вопроса. Она не просила. Просто говорила факт.

– К чёрту эту службу, – выдохнул я и сорвал значок с груди. – Я был там. В том секторе... – мямлил что-то про приказы, оправдывался, как последний слабак.

Кристина смотрела на меня взглядом взрослой женщины, хотя мы были ровесниками. Взглядом, в котором было больше усталости, чем упрёка.

– Я тебя не оставлю, – сказал я наконец, обнимая её. – Это мой ребёнок. И я люблю тебя.

Как в том глупом кино: «И жили они долго и счастливо». А что там за кадром – никого не волнует.

Так и мы жили. Недолго, но ярко. Через восемь месяцев родилась Машка. Я удалил нейро-чип с помощью её друзей-повстанцев. Стал Шмелём не для системы, а против неё.

«Террористом», как называли нас в «Куполах».

Понял, что воздух свободы пахнет не дорогой едой и не озоном после чистки улиц. Он просто есть. И его не променяешь на душную, комфортную клетку.

Жилось трудно. Но мы с Кристиной были счастливы. Надеялись, что всё изменится. А потом родился Данька, и мир рухнул окончательно. Медицины в «Низах» нет. Кристина заболела. Мне пришлось бросить всё и примкнуть к клану хакеров, торгующих данными «Куполов».

Мошенничество с голосовыми вызовами, взлом счетов – грабёж под соусом справедливости. Страх быть пойманным давил виском каждую секунду. Но меня ничто не останавливало. Деньги текли.

Грач, наш управляющий, человек с лицом вороньим и вечными мешками под глазами, как-то спросил:

– Надолго ли ты к нам? У тебя талант.

– Как только Кристина встанет на ноги – уйду, – отвечал я, глядя в его чёрные, пустые глаза. – Детей растить надо.

– Резонно, – вздыхал он, отхлёбывая из фляги.

Я тоже носил фляжку. Иногда откручивал крышку, делал глоток. Тепло разливалось по груди, и мир ненадолго казался проще. Я не считал это мошенничеством. Мы выживали. Нас поставили в эти условия. Пусть богачи из первого сектора заламывают руки – дураков нужно учить. Ирония: был «санитаром», чистившим низы, теперь чистил карманы верхов.

Время неслось. Маша пошла в школу. Даньку Кристина таскала с собой повсюду – на подпольные собрания, на мою старую работу, даже под тот самый ржавый мост, где когда-то призналась мне в любви.

Крестину убили во время нашей же акции протеста в секторе четыре. Я был там. Мы просто хотели заявить о своих правах – свет и воду отключали ежедневно, налоги душили. Жители «Купола» платили шесть процентов. Мы – тридцать. Последняя капля.

Мы пришли с миром. А ушли – с её бездыханным телом на руках.

Я чуть не прикончил их в тот день. Этих ублюдков. Они раньше были моими товарищами. Шеф, сука, я узнал тебя даже в шлеме. По кривой усмешке, по тому, как он орал, брызжа слюной.

Я нацепил на руку кастет – холодный, знакомый груз. И бил. Направо, налево. В челюсти, в переносицы, в щиты, которые звенели, как колокола. Ошмётки чужой и своей крови забрызгали лицо. Чувствовал её медный, тёплый привкус на губах. Рычал, как зверь, вгрызаясь в их строй. Они шли клином, безликие в своей броне.

– Уходим! – дикий крик Лобстера пробился через грохот. – Они пси-удар готовят!

В голове вспыхнула белая картина: рядовой состав «санитаров» падает, блюёт, дёргается в конвульсиях. Нас, зачистку, к такой фигне не допускали. Значит, будут лить по пло-

щадям.

– Назад! – заорал я, горло порвалось. – Рассосаться!

В лязге и гомоне не все услышали. Мы бросились врассыпную: в подворотни, в зияющие пасти вентиляции, в канализационные люки. И только тогда я увидел её. Кристина. Не двигалась. На асфальте.

Я подхватил её тело. Оно стало неестественно лёгким, будто жизнь уже вытекла и унесла с собой весь вес. Я бежал, спотыкаясь, прижимая её к груди, чувствуя, как тепло уходит через мою куртку.

Окраина. Ржавый мост. Наше место.

Опустился на землю, положил её голову себе на колени. Она ещё дышала. Тихо, с булькающим звуком где-то внутри. Я знал этот звук. Конец.

Здесь можно было не быть Шмелём. Здесь можно было просто быть Сашей, который проиграл всё.

– Всё хорошо, Саша... – её голос стал шёпотом, едва шевелящим губами.

– Что хорошего? – выдохнул я, и голос сорвался. – Что здесь может быть хорошего?

– Не вини... Мне было хорошо с тобой...

Она улыбнулась. Самой лёгкой, почти невесомой улыбкой. И всё. Тишина. Взгляд, ещё секунду назад устремлённый в моё лицо, остановился, стал смотревшим сквозь. На ресницах застыли крошечные бусины крови. А у меня в горле встал такой ком, что, казалось, я никогда больше не смогу

сделать вдох.

И тогда я понял: справедливости здесь нет. Есть только тишина после выстрела. И выбор – сгнить в ней или сделать так, чтобы она стала оглушительной для тех, кто её устроил. Лобстер – мой товарищ, сосед по этажу. Мы познакомились в «Дата-центре» Грача. Мелкий, низкорослый парнишка лет двадцати пяти. В глазах – вечная тоска, даже когда смеётся.

– Серёга, как же я жить буду без неё? – говорю ему.

Плачу, как пацан. Мир перевернулся. Дети в ступоре. Не плачут. В глазах застыло что-то стеклянное и жуткое. Даже Данька молчит, только кулаки сжимает, костяшки белеют.

Серый вздохнул:

– В бар пойдём. К Михалычу.

Чем ещё обезболить тоску?

За столиком – бутылка водки, сосиски в кетчупе, картошка в мундирах. Пью, а слёзы сами катятся по щекам, солёные, смешиваются с водкой. Знал ведь, чем может кончиться. От этого – ещё злее. А Лобстер наливает, кряхтит, матерится сквозь зубы.

Потом в заведение пришла Машка. Лицо – белое, как у призрака, глаза стеклянные.

– Папка, – говорит тихо, так тихо, что за гулом в голове еле слышно. – Если тебя не будет, как мы жить-то будем?

На узком личике – не детский упрёк. Губки сжаты в ниточку. А у меня во рту – вата. Мямлю что-то невнятное. Лобстер буркнул, чтобы она ушла. Дочка стояла и смотрела.

Этот взгляд – точь-в-точь как у Кристины в последний раз – выжигал дотла.

– Наливай, – говорю Серёге. А Маше, скрипя голосом: – Иди домой!

Она не ушла. Стояла, сверлила меня взглядом – злая, заноза, вся в мать.

Вернулся под утро. Рухнул в нерасправленную кровать, не сняв ботинок. Проснулся – дома никого. Порядок. На столе – завтрак нехитрый и записка.

«Папа, я в клубе Грача. Не жди сегодня. Даня в школе...»

И внизу, словно почерк сломался, дописано:

«...маму выпивкой не вернёшь».

Эх, Машка... В самую душу нож вонзила. Но тогда все мысли были о Кристине. Заглушить их можно было только одним – более сильной штукой. Я не думал. Жалел себя. Потом было стыдно. Данька ходил хмурый, как туча, но молчал. Он не Маша. Та сначала истерила, грозила, кричала. Перед глазами вся жизнь пролетела. Не хотелось продолжения. Не хотелось ничего.

Прозрение пришло на Окраине – на «нашем» с Кристиной месте. Там была свалка металлолома, ржавых машин и неразбираемого пластика. Хорошее место – ни крыс, ни паразитов, только запах окиси, влажной земли и вечной гнили.

Сидел, курил, уставившись в бетонную стену. За ней – «Купол». За ней – убийцы. Боль отступала медленно, волнами. Как приливы сменялись отливами, расплёскивая остат-

ки человечности, обнажая каменное дно – мысли о мести.

Именно там я встретил её. Таис. Дочь одного из создателей «Вердикт-Алгоритма». Идеалистка, взломавшая свой чип. Она обнаружила, что Алгоритм искусственно завышает процент «виновных» из «Низин» – для квот на дешёвую рабочую силу и оправдания репрессий. Бежала из «Купола», чтобы найти того, кто обнаружит правду. Искала Шмеля – легенду подполья.

Я заметил её среди рёбер ржавого грузовика, разорванного взрывом ещё до моего рождения. Маленькая, светловолосая, со стрижкой под мальчика. Она сидела, втянув голову в плечи, и эти плечи мелко тряслись. Плакала.

В груди что-то ёкнуло – забытое, давно задавленное чувство.

Подошёл. Она вскинула на меня глаза – точно волчонок, загнанный в тупик. По фарфоровым щекам – дорожки от слёз. С первого взгляда – из Купола.

– Тебя Шмель зовут? – голос сдавленный, но чистый.

– Допустим, – кивнул я, щурясь от дыма сигареты.

– Они всё знают. Алгоритм не судит, он... управляет статистикой. Вот... – она заспешила, полезла во внутренний карман куртки. – Доказательства.

В её ладони лежала флешка. Знакомый формат – для вживления в старый армейский порт. У меня в виске заняло призрачной болью. Молча смотрел на девчонку.

– Мой отец верил в систему. Теперь он служит монстру.

– Систему не снести, – сказал я, прикуривая. – Срубил одну голову – вырастут две. – Взял флешку. Она была тёплой от её руки, идеально гладкой, будто только что из упаковки. – Но попробовать можно.

Мысль билась, как муха о стекло: Ловушка?

– Они контролируют вас в «Низинах». Но, используя их же инструменты, можно перепрограммировать... их сознание.

– Любопытно, – усмехнулся я. – Но прежде чем совать себе в голову всякую всячину, нужно посоветоваться с товарищами.

– Это верно, – кивнула она. – Я понимаю.

Понимает, – подумал я с едкой горечью. Окинул взглядом: ухоженные пальцы с тонким золотым кольцом, стрижка, сделанная мастером, куртка из материала, который не пропускает кислотные дожди. Чужая.

И вдруг стало её жалко. Что-то дрогнуло. Избалованное дитя «Купола» прозрело. Это больно. Вспомнил себя. Таким же был. Противно стало.

– Вас пока нет в розыске, – вдруг сказала она, и её голос стал твёрже. – Но один человек... Светлов. Он интересовался вами.

– Это ещё кто? – насторожился я. – Зачем ты мне это говоришь?

– Он коллекционер...

– Чего? – фыркнул я. – Что за хрен такой?

– Игорь Светлов. Сын Архитектора «Купола-1». Кибер-синестет. У него модифицированный чип... Он позволяет «вкушать» чужие эмоции, конвертировать их в цифровые паттерны. Убийство для него – создание самого яркого «шедевра» для коллекции.

– До чего же народ у вас докатился, – пробормотал я, а по спине поползли мурашки. – Развлечения ищут...

– Ты не понимаешь, Шмель... – Она вдруг взяла меня за запястье. Её пальцы были холодными и невероятно нежными на моей шершавой коже. – Его люди везде. Даже в «Куполах» не все согласны. Но боятся потерять всё.

– Что ты хочешь от меня? – спросил я резче, чем планировал. – Защиты? Мятеж устроить там, наверху? Или ты тоже от безделья... экспериментировать?

– Нет, – она отстранилась, и в её глазах мелькнула боль. Обиделась. – Кто-то должен начать перемены.

Позже, бредя в сторону клуба Грача, я думал об этих переменах. Нет ничего страшнее, чем жить во время их начала. Они никогда не кончаются. А пока сила – не на нашей стороне. Как и правда.

Шёл домой, а флешка эта жгла карман, словно раскалённая пуля. Глянул на часы – время ужина. Данька наверняка дома, Маша... Чёрт. Она же в клубе Грача. Нечего ей там делать. «Дата-центр» в «Низинах» всегда первый под удар.

Свет от неоновой рекламы рвал темноту улицы. Заморозил дождь, и я скрылся в тоннеле, ведущем в третий сектор.

Вспомнил, как Лобстер говорил о гении – парне по кличке Протез. Никто его вживую не видел. Потерял ноги на последней войне «Единства» и «Штатов». На мерцающем экране его лицо – просто набор пикселей, прикрытых тёмными очками. Хакер старой школы. Так же, как и я, выброшенный системой из «Купола» на самое дно. Они не учли, что знания, полученные наверху, превращаются в опаснейшее оружие внизу.

Флешка. Мысль о ней сверлила мозг. Набрал Машку.

глава 2

*Реальность порой рисует причудливые узоры
из предсказаний фантастов прошлых лет*

«Не связывайся с людьми Грача, – выдавил я. – Слишком опасно».

«Рада, что ты не пьяный», – ответила дочь. В её голосе не было колкости, только усталость. Стыдно. Но иначе – никак.

«Иди домой».

«А ты где?»

«Мне надо кое-куда заглянуть. Еда дома есть? Приготовь ужин. Или купить...»

«Хорошо, пап. Макароны с сосисками сделаю. Данька любит».

«Славно».

«Ты в порядке?»

«В полном».

В душе потеплело. Мы больше не орали друг на друга. Как с Кристиной – не просили прощения, а просто делали своё дело и любили.

Интернет-клуб «Жуки» встретил меня гулом кулеров и мерцанием десятков экранов. Лобстер написал, что здесь освободился канал. И слава богу – не пришлось тащиться к Грачу. Иначе дал бы в морду. Зачем он молодняк в свои схемы втягивает? Маша отчаянная, глупая. Наломает дров.

Протез вышел на связь. Его лицо, покрытое сетью шрамов, скрывали тёмные очки, голос искажал модулятор.

– Шмель, – кивнул он. – Давно не виделись.

– Проверить сможешь? – положил флешку на стол перед камерой.

– Оттуда? – спросил он, сразу поняв.

– Да. Девчонка одна. Хочу знать, что вставляю.

– Секретные материалы, – в его искажённом голосе прозвучала знакомая, мрачная ирония.

– Возможно. Могу сразу в старый порт воткнуть, – ткнул пальцем в висок. – Но башка одна. Пригодится ещё.

– И то верно.

Я достал серую коробочку – «шлюз-анализатор». Воткнул в неё флешку Таис, другой конец – в порт терминала. На мини-экране замигал светодиод: «Изоляция... Анализ метаданных...». Как учил Протез, запустил на терминале клиент

«Арены». Теперь наш диалог упаковывался в поток бессмысленных данных о броне и уроне.

На экране шлюза вспыхнуло: «АНАЛИЗ ЗАВЕРШЁН. ЦИФРОВАЯ ПОДПИСЬ ВЕРИФИЦИРОВАНА. СЛЕДОВ НЕ ОБНАРУЖЕНО». Я выдохнул. Флешка была чиста.

– Безопасно, – глухо прозвучал голос Протеза. – Копию сделать?

– Делай. Реально секретка?

– Ох, какой грифик я тут вижу, – он медленно, почти механически, провёл пальцами по самому длинному шраму на щеке. – Качество записи отличное. Твой информатор очень рисковал. Данные чистые. Будешь грузить в порт сейчас? Или сначала хочешь понять, во что ввязываешься?

– «Санитары»? – спросил я, чувствуя, как сердце начинает биться чаще.

– Бери выше, – Протез наклонился к камере, и его искажённый голос стал тише и чётче. – «Тихие».

«Тихие». Холодная, знакомая полоса пробежала по спине. Служба наёмных убийц киберполиции. Ни следов, ни зацепок. Только тишина после выстрела.

Только теперь, когда главная угроза была названа, я мизинцем нажал на едва заметную чёрную кнопку сбоку от дисплея. Раздался тот самый тихий, сухой щелчок – больше тепловой, чем звуковой. Все светодиоды на корпусе погасли раз и навсегда. Теперь этот «шлюз-анализатор» был не полезнее булыжника. Дорого. Но надёжно.

Я провёл пальцами по коротко стриженным волосам на виске. Вот оно – гнездо. Шрам от системы, ставший порталом.

Воткнул флешку и зажмурился.

Где-то в глубине черепа, в месте, которое годами молчало, вспыхнула холодная, безболезненная искра.

Началось.

В гладких каплях воды на его спине играли отсветы города. Он отбросил со лба мокрые светлые волосы и шлёпая босыми ногами по кафелю, подошёл к стеклянному столику. Поднял бокал с виски, налитым на один палец. Взгляд голубых, прозрачных глаз устремился с высоты двадцать пятого этажа в ночную бездну «Купола». Сделал глоток, покатал обжигающий напиток языком.

За спиной раздался голос.

– Господин Светлов, к вам посетитель.

Он обернулся. Абсолютно голый, с бледной, лишённой изъёнов кожей и почти без растительности на худощавом теле. Совершенный, как мраморная статуя, и так же лишённый тепла.

Женщина – Серафима – смущённо отвела глаза. Ей около шестидесяти, и она никак не могла привыкнуть к этим выходкам. Губы Игоря дрогнули в приятной, светской улыбке. Взгляд же оставался абсолютно ровным, пустым, как у хорошо отлаженной камеры наблюдения.

– Поддай свежее полотенце, Серафима. В ванной уже мокрое. И принеси мой костюм из чистки.

– Ваш любимый? Белый?

– Он самый.

Он сделал ещё глоток, наблюдая, как она пятится к ванной, боясь даже скосить взгляд в его сторону. Его губы тронула усмешка. Его забавляла её смущённость – простой, примитивный сигнал, который его чип даже не стал фиксировать.

Вернувшись, она протянула белоснежное полотенце, пахнущее морем и свежестью. Их взгляды встретились. В её тёмных глазах – покорность и желание скорее уйти. В его – тот же леденящий интерес, с каким энтомолог разглядывает редкого жука под стеклом. Он смотрел так всегда, даже когда смеялся. Будто взгляд принадлежал не ему, а другому существу, навсегда поселившемуся за его глазами.

Короткое замыкание между мирами разорвалось. Серафима исчезла и, вернувшись с костюмом через пятнадцать минут, с облегчением выдохнула, не застав хозяина. Все в доме его отца предпочитали не оставаться с ним наедине.

Игорь ждал в кожаном кресле, положив ногу на ногу. В правой руке – бокал с виски на два пальца. В левой он поигрывал маленьким пультом от потайной двери. Незачем посторонним глазам видеть вход в сокровищницу.

Первым вошёл высокий, тощий мужчина неопределённого возраста в сером костюме. На руках – перчатки. Густые

брови, сросшиеся на переносице, делали лицо гостя мрачным и непроницаемым. Он кивнул Светлову. Тот смотрел на него, не мигая, как ящерица на солнце.

– Мы доставили посылку, – сказал высокий безэмоциональным голосом.

Кивок головы хозяина и приглашающий жест рукой, державшей бокал.

В дверях появился второй – такой же, но более крупный.

– Дмитрий, какая гора мышц, – улыбнулся Светлов. Голос звучал ровно, без насмешки. Просто констатация факта. – И как тебе удаётся держать форму?

– Всё благодаря вашей сыворотке, – немного смутившись, ответил Дмитрий.

Из-за его спины вышла девушка. Невысокая, напуганная, она сжала кулачки. Взгляд Игоря встретил её, и в уголке его рта дёрнулась микроскопическая судорога – не улыбка, а рефлекс, спазм ожидания.

– Пришла? Таис... милашка. – Он медленно облизал тонкие губы.

– Мог бы и сам пригласить, а не вызывать этих... – Она глянула на высокого и отступила. – Зачем ты имеешь дело с «Тихими», если хотел просто поговорить?

– Тс-с, – он прижал тонкий указательный палец к губам. Звук был мягким, шипящим. – Поговорим. Позже.

Его взгляд метнулся к Дмитрию. Тот понял, и оба «Тихих» стиснули руки Таис выше локтя. Она вскрикнула от бо-

ли. Светлов передразнил её гримасу, наморщив нос, и сделал глоток виски. В глазах, вместо ядовитого льда, на секунду вспыхнул чистый, ненасытный азарт. Он нажал кнопку на пульте. Дверь-стена с зеркалом и книгами бесшумно отъехала в сторону.

– Артур, – бросил он высокому. – Подготовь материал. А я пока отвечу на один звонок. Тот мрачно кивнул.

Крик и плач не изменили ровного дыхания «Тихих». Они привыкли. Сначала крик, потом угрозы, потом молитвы. Потом – тишина, которую они так ценили.

Светлов был одним из богатейших отпрысков «Куполов». Он любил науку и подавал большие надежды в Архитектурном бюро, которое занималось не строительством, а картографированием человеческого сознания. Изучив его, Игорь пришёл к выводу, что самые сильные эмоции – это не просто энергия. Это сырьё высшей чистоты. Гормональный всплеск страха можно было записать, усилить, рафинировать и пережить заново – как гурман пережёвывает редкий трюфель.

– Что ты делаешь?! – крикнула Таис. В её глазах застыл тот самый первозданный, нерафинированный ужас, который он так презирал и в то же время жаждал. – С ума сошёл?!

Светлов взглядом приказал «Тихим» завести её в кабинет. Сам отвернулся к окну, откинул шелковистые волосы с виска. Там, под идеальной кожей, мерцал порт. Чистый, полированный интерфейс, лишённый шрамов и воспоминаний – только функция.

Пульт в его руке был направлен в сторону музыкального центра. Внутри кабинета вздрогнули мощные аккорды. Вагнер. Увертюра к «Парсифалу». Таис, зафиксированная в устройстве, напоминающем кресло из золотистого металла, казалась теперь частью инсталляции. За её спиной вспыхнули неоновые датчики.

«Тихие» отклонялись и исчезли. Дверь захлопнулась. Светлов уселся напротив.

– Игорь... – прошептала Таис. – Ты же не...

– Ты отдала им все данные, – перебил он. Голос был тихим, заинтересованным. – Думаешь, у тебя есть иммунитет? Любопытно... Надежда – тоже интересная эмоция. Особенно в момент своего краха.

– Я не об этом... Я поняла, что ты... такое...

– И что же я такое? – он откинулся на спинку кресла. В пальцах вертелся пульт. Он смотрел на неё не как на человека, а как на сложный, но очень перспективный прибор, готовый выдать уникальные данные.

Таис перевела взгляд на пульт. На её шее забила жила. И вот оно. В сознании Игоря, глубоко внутри, разлилось знакомое, долгожданное тепло. Не эмоция, а её идеальный цифровой отпечаток. Чужой страх. Чистый сигнал. От низа живота к груди поднялась ровная, глубокая волна удовлетворения. На коже приподнялись волоски.

– Ты... чудовище... – выдавила она, закрывая глаза. Она знала. Сейчас начнётся.

– Нет, милая, – мягко поправил он, и в его голосе впервые прозвучала неподдельная, почти нежная искренность. – Я – ценитель. А ты... ты будешь моим шедевром.

Его палец завис над кнопкой пульта. Музыка Вагнера нарастала, готовясь слиться с симфонией её отчаяния.

Светлов слышал её сердцебиение, ощущал кислотный запах страха в её поте, солёный привкус слёз на её щеках. Ему не нужно было прикасаться. Её дыхание переходило от сбивчивого к механически-ритмичному, выверенному его чипом. В конце концов, она открыла рот, дыша часто и прерывисто, как в терминальной стадии удушья.

Игорь смотрел на неё не мигая, его зрачки расширились, поглощая свет. Он дышал с ней в такт. Он вкушал её страх, разлагал отчаяние на спектр, танцевал на острие её сломанного сознания. Быстрее. Ярче. Вытягивал за ниточку каждый винтик её ужаса, кристаллизуя его в идеальный, липкий паттерн. Кормил её мозг выдуманными надеждами и тут же отнимал их, измеряя амплитуду нового падения.

Одновременно он вёл запись, точно зная, что этот апогей – его навсегда. Она была уже на грани. Надо остановиться, иначе конец. Эксперимент будет испорчен. Он стиснул поручни, выгнулся дугой, синхронно с её телом. Яркие, чужие образы паники нахлынули, смешавшись с волной его собственного, холодного оргазма. На пару секунд его сердце замерло в абсолютной тишине.

Толчок. Отлив. Кровь отхлынула от висков. Сердце запу-

стилось снова, ровно, как метроном. Волна ушла, обнажив пустоту после удовольствия, чистое, стерильное сознание.

Тишина. Не его. Её.

Сердце Таис остановилось.

Игорь не думал о том, что произошло. Он констатировал. Эмоциональный резонанс, вызвавший остановку сердца от перегрузки. Интересный побочный эффект. Паттерн записан. Осталось начать охоту на Шмеля.

Губы Светлова растянулись в ровной, удовлетворённой улыбке. На лбу выступили капельки чужого, отфильтрованного пота. Он провёл пальцами по волосам, зачёсывая их назад. Взгляд скользнул по склонившейся голове Таис. Образец исчерпан. Он убил двух зайцев: уничтожил угрозу и приобрёл идеального подозреваемого. Убийцу, который ненавидит «Купол». Так-так...

Он достал из стола коробку с настоящими сигаретами, до эпохи запрета. Закурил, уже просчитывая ходы. Один выстрел – и закончится эта жалкая пьеса о предателе-«санитаре» и выскочке, посмевавшейся покуситься на его исследования. Его коллекция не для профанов.

Игорь отсоединил чип, разорвав последнюю нить связи с отработанным материалом. Затянулся. В смартфоне нашёл номер следователя Кротова – карьериста из «Санитаров», чей Индекс Лояльности зависел от скорости «закрытия» дел элиты.

Набрал Артура.

«Нужна зачистка», – сказал ровным, уже чистым от посторонних вибраций голосом.

«Вас понял».

«Ко мне. Сейчас. Собери ДНК Шмелёва. Бывший «санитар», беглец в «Низинах». Справишься?»

«Так точно. Выезжаю».

Светлов вышел из кабинета. Пальцем дёрнул пульт – выключить музыку, закрыть дверь. Вагнер захлебнулся на высокой ноте. Дверь плавно встала на место, скрывая лабораторию и экспонат.

Он скинул одежду, стягивая её с себя, как липкую, чужую кожу, и направился в душ.

– Пап, теперь всё будет хорошо? – спрашивает Маша, смотря на меня по-взрослому.

– А что не так? – отвечаю вопросом на вопрос. – Мы... все скучаем по маме.

– Сдам экзамены на киберполицейского и задам им там, в «Куполах», – неожиданное заявление Даньки застало меня врасплох. Маша ответила за меня подзатыльником.

– Ты школьные экзамены сдай, балда.

– Сама дура! – с обидой говорит Даня. – Пап, а что? Разве за маму мы не отомстим?

– Отомстим, – отвечаю и вдруг осознаю, что перед системой мы – ничто. Можно организовать налёт, взорвать один из куполов... Но там живут такие же люди. Просто не попа-

ли в «низы». Просто бояться. Нам терять нечего? Я глянул на дочь и сына. Теперь есть что терять.

Стук в дверь. Не стук – грохот, будто вышибают.

Данька сжался. Маша инстинктивно схватила попавшийся под руку половник.

– Положи, – жёстко сказал я ей и жестом показал на кухонный шкаф. Взгляд был красноречивее слов: Уходите. Сейчас. Прижал палец к губам.

Грохот повторился, и дверь задрожала в раме.

– Откройте немедленно! – рёв, от которого заложило уши. – Полиция!

Машка рванулась к шкафу. Я снова жестом – тише. Там, за кастрюлями, – потайная дверь в вентиляцию. Вчерашний ужин ещё не мыли.

– Соппротивление бесполезно! – голос за дверью стал ледяным. – Александр Шмелёв, начните сотрудничать – и дети не пострадают.

В глазах детей – чистая паника. Я распахнул дверцы шкафа, толкнул туда сначала Даньку, потом Машку.

– А ты, пап?! – её голос ударился о дверцу, которую я уже захлопывал.

Я нащупал под столешницей скрытую кнопку и нажал. Щелчок. Сдавленный вскрик. Тишина. Они в безопасности. А мне осталось открыть дверь и поболтать.

В кармане куртки пальцы нащупали холодный металл кастета.

На пороге стояла важная птица – невысокий, лысоватый, с глазами-щелочками. Взгляд – буравящий, безразличный, как у снайпера. Сразу ясно: разговора не будет.

– Майор Кротов, – отчеканил он, сунув мне в лицо значок. Пальцем активировал планшет, повернул экран. Ордер на арест.

Я не успел даже нахмуриться. На запястьях с сухим щелчком защёлкнулись наручники. Меня рванули вперёд. На лестнице – ни души.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.